

Сергей Есенин с теплотой вспоминал то время, когда был студентом Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского (ныне это Российский государственный гуманитарный университет, где есть "Есенинская" аудитория).

ОКОНЧИВ школу в родном селе Константинове, а затем учительскую школу в Спас-Клепиках, в 1912 году Сергей Есенин приехал в Москву, к отцу, работавшему в мясной лавке купца Крылова.

В сентябре 1913 года Есенин поступил в Московский городской народный университет имени Шанявского. 1913—1914 учебный год был шестым годом работы этого высшего учебного заведения, созданного на средства мецената Альфонса Львовича Шанявского. В 1905 году А.Л. Шанявский передал своё состояние в дар городу Москве, оговорив в обращении, направленном в Московскую городскую думу те условия, при которых университет должен был стать действительно народным: университет открывает двери для лиц обоих полов не моложе шестнадцати лет, без различия национальностей и вероисповеданий, при этом не ограничивая поступление аттестатом зрелости, а преподавание — формальными дипломами. Шанявский настаивал на том, чтобы плата за слушание лекций была определена в возможно доступном размере, а при наличии достаточных пожертвований — и вовсе сведена к нулю.

Вопрос об открытии университета был не таким простым, как могло бы показаться. Через три года после обращения Шанявского в Московскую думу, после жарких дебатов в Государственной думе и Государственном Совете состоялось высочайшее утверждение Положения об Университете.

В 1912 году на Миусской площади по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица и профессора А.А. Айхенвальда было построено новое здание университета. Преподавание там было организовано таким образом, чтобы занятиям могли "посвящать свои силы также и лица, состоящие уже на службе и зарабатывающие личным трудом средства к своему существованию", а потому лекции читались вечером, с 17 до 22 часов.

Только в такой университет и мог поступить Сергей Есенин, не имевший гимназического образования и

ступил в университет Шанявского на историко-философский отдел, но со средствами приходится скандалить. Не знаю, как буду держаться, а силы так мало".

Тем не менее, Есенин учится в университете с большим удовольствием, ведь там, как он пишет Грише, "хоть поговорить с кем можно и послушать есть чего". В письмах другому своему однокласснику по Спас-Клепиковской школе Я.А. Трепалину Есенин рассказывает о том, что занимается в Народном университете Шанявского с увлечением, и советует другу переехать в Москву и поступить в это учебное заведение.

Но действительно, работа в типографии отнимала много сил, тем более что Есенину приходилось самому зарабатывать на жизнь после ссоры с отцом. Тем не менее, он продолжает учёбу. В это время за ним было установлено полицейское наблюдение вследствие того, что Есенин подписал "Письмо пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района гор. Москвы". В этом письме была выражена поддержка большевикам — депутатам Государственной думы. В донесениях филёров, следивших за Есениным, содержится подробнейшие сведения о его перемещениях по Москве, о лицах, с которыми он встречался, даже о том, какие свёртки, корзины и прочие вещи были у него в руках.

По этим донесениям можно восстановить многое в жизни Есенина, например, историю принадлежавшей Есенину фотографии, на которой он запечатлён со своими друзьями — Г.Н. Пылаевым и В.Н. Наумовым.

На обороте фотографии сделана надпись: "К сему руку приложил Его-

художников, и кажется, что немеркнущий свет искусства освещает нашу комнату...

— Иногда я записываю свои впечатления, — говорит Сергей. — Вот в воскресенье, придя домой из Третьяковки, перегруженный красотой, записал в своей тетради о том, какое большое волнение испытал в этот день. И я назвал его днём "путешествия" в прекрасное.

Наседкин вскопил и, широко улыбаясь, громко повторил: — Путешествие в прекрасное! Здорово, Сергей! Я напишу поэму под таким названием...

— Пиши, Вася, пиши! — смеясь, говорит Сергей. — Но только один ты к этой стране не дойдёшь...

Позднее в автобиографии Есенин писал: "В университете я познакомился с поэтами Семёновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко", тогда же "узнал Клюева, Клычкова, Орешина".

Однокурсники Есенина по университету Шанявского помогали молодому поэту с публикацией его стихотворений. Так, например, стихотворение Есенина "Кузнец" появилось в № 87 петербургской большевистской газеты "Путь правды", куда его передал, скорее всего, Георгий Пылаев. А в кружок журнала "Млечный Путь", где в первых номерах 1915 года были опубликованы стихотворения "Кручина" и "Выткался на озере алый свет зари", Есенина привёл поэт Николай Колоколов. Скорее всего, тот же Николай Колоколов познакомил его и с редакцией журнала "Женская жизнь", в котором в феврале 1915 года появилась критическая статья Есенина "Ярославны плачут", посвящённая разбору творчества поэтесс, откликнувшихся на начало Первой мировой войны.

Сохранилась фотография, на которой Есенин запечатлён со своими друзьями — студентами университета Н.И. Колоколовым и И.Г. Филипченко.

университета Павла Никитича Сакулина, просто открыло его. Об этом вспоминал один из друзей поэта Н.А. Сардановский: "Однажды Есенин сказал, что с ним обещал побеседовать по поводу его стихов П.Н. Сакулин. Вскоре Сергей с восторгом рассказывал мне свои впечатления о разговоре с профессором, который особенно одобрил стихотворение "Выткался на озере алый свет зари".

В начале ноября 1914—1915 года учебного года занятия в университете возобновились. Б.А. Сорокин позднее вспоминал: "Увиделись мы только в сентябре, когда уже шла война, и на одном из вечеров Сергей читал поэму "Марфа Посадница". В новом учебном году Есенин мог посещать курсы лекций "История западной литературы XIX века (эпохи романтизма)" М.Н. Розанова, "Древнерусская литература в связи с устно-народной" М.Н. Сперанского, "Русская литература второй половины XVIII века" А.Е. Грузинского, "Русская литература во второй половине XIX века" Ю.И. Айхенвальда, а также лекции Г.Г. Шпета "История новейшей философии".

Б.А. Сорокин вспоминал: "Слушаю лекцию профессора Айхенвальда, он почти полностью цитирует высказывание Белинского о Боратынском. Склонив голову, Есенин записывает отдельные места лекции. Я сижу рядом с ним и вижу, как его рука с карандашом бежит по листу тетради: "Изю всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место, бесспорно, принадлежит Боратынскому". Он кладёт карандаш и, сжав губы, внимательно слушает. После лекции идём на первый этаж. Остановившись на лестнице, Есенин говорит: "Надо ещё раз почитать Боратынского".

Но на втором курсе университета Есенин учился только до марта 1915 года, когда, порвав с Суриковским литературно-музыкальным кружком, решил ехать в Петроград, к Блоку. Но

Сакулин пишет, что любовь к родине "слита у Есенина с "плакучей думой" о родине, об этой "горевои полосе". И он, юный, рвётся к небесному, вечному". Сборник "Радунница" заканчивается строками, в которых Сакулин видит самоопределение поэта:

*Льётся пламя в бездну зренья,
В сердце радость*

детских снов.

*Я поверил от рождения
В Богородицын покров.*

Есенин и Клюев творят для народа, и Сакулин подчёркивает, что литература письменная, книжная всегда питалась и питается соками народного творчества. "Родник "народного" творчества не иссяк", — утверждает Сакулин в заключении своей статьи.

Учившиеся когда-то в университете Шанявского молодые поэты также внимательно следили за творчеством сокурсников. Уже после революционных событий 1917 года в "Вестнике шанявцев" вышла статья Н.Л. Янчевского "Поэзия и революция", содержащая острую критику сборника "Красный звон", в котором были собраны произведения Сергея Есенина, Николая Клюева, Петра Орешина и Александра Ширяевца.

МНОГИЕ поэты-шанявцы, как и прежде, делились друг с другом своими литературными успехами, читали друзьям свои стихи, дарили книги. Вышедшую в 1920 году книгу "Третьяница" Есенин подарит И.Г. Филипченко с дарственной надписью: "Ивану Филипченко с любовью и дружбою. На воспоминание о наших университетских днях. С. Есенин", а также Б.А. Сорокину: "т. Сорокину с дружбою и воспоминаниями об университете Шанявском. Сергей Есенин. Ростов 1920. Август". На первой странице книги "Исповедь хулигана", вышедшей в издательстве "Имажинисты" в 1921 году, Есенин напишет добрые слова своему другу Василию Наседкину: "т. Наседкину. В знак признани. С. Есенин. 1921. 25 мая. Ташкент".

Книгу "Пугачёв", изданную в конце 1921 года, Есенин подарит трём профессорам университета Шанявского: Г.Г. Шпету ("Милому Густаву Густавовичу с любовью лютый. С. Есенин. 1921 декабрь"), Ю.И. Айхенвальду ("Юлию Исаевичу Айхенвальду. С. Есенин. 1921") и П.Н. Сакулину ("Доброму Павлу Никитичу с любовью. С. Есенин. 1922, январь, 4").

Профессор Павел Никитич Сакулин сразу после Октября 1917 года активно включился в работу на советском культурном фронте, считая, что путь образованного человека в России "всё тот же: путь свободы, рядом с народом" (РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4.). Так, например, в 1921 году Сакулин принял активное участие в выработке программы и плана составления нового русского словаря. Деля доклад на заседании Оргбюро, Сакулин называет имя Есенина среди имён 35 авторов, чьи художественные произведения предполагается использовать как источники словаря.

В том же 1921 году Сергей Есенин вступил в полемику с наркомом А.В. Луначарским, выступившим с резкой критикой имажинистов на страницах журнала "Печать и революция". Есенин, в то время состоявший в "Ордене имажинистов", предложил Луначарскому устроить "публичный дискуссию по имажинизму, где в качестве компетентных судей будут приглашены проф. Шпет, проф. Сакулин и др. представители науки и искусства".

Есенин и его друзья-имажинисты с интересом посещали заседания петроградской Вольной философской ассоциации, слушая, как когда-то в университете Шанявского, доклады своих профессоров — Айхенвальда, Сакулина и других.

ВДЕНЬ 6 июня 1924 года писательская и читательская общественность Москвы чествует Пушкина в день его 125-летия. У памятника поэту на Тверском бульваре — председатель Российского общества любителей словесности профессор Сакулин. В своём кратком вступительном слове он говорит о значении Пушкина для будущего нашей литературы. Затем поэт Есенин от имени Всероссийского союза писателей возлагает цветы к подножию памятника и читает свой стих, посвященный Пушкину:

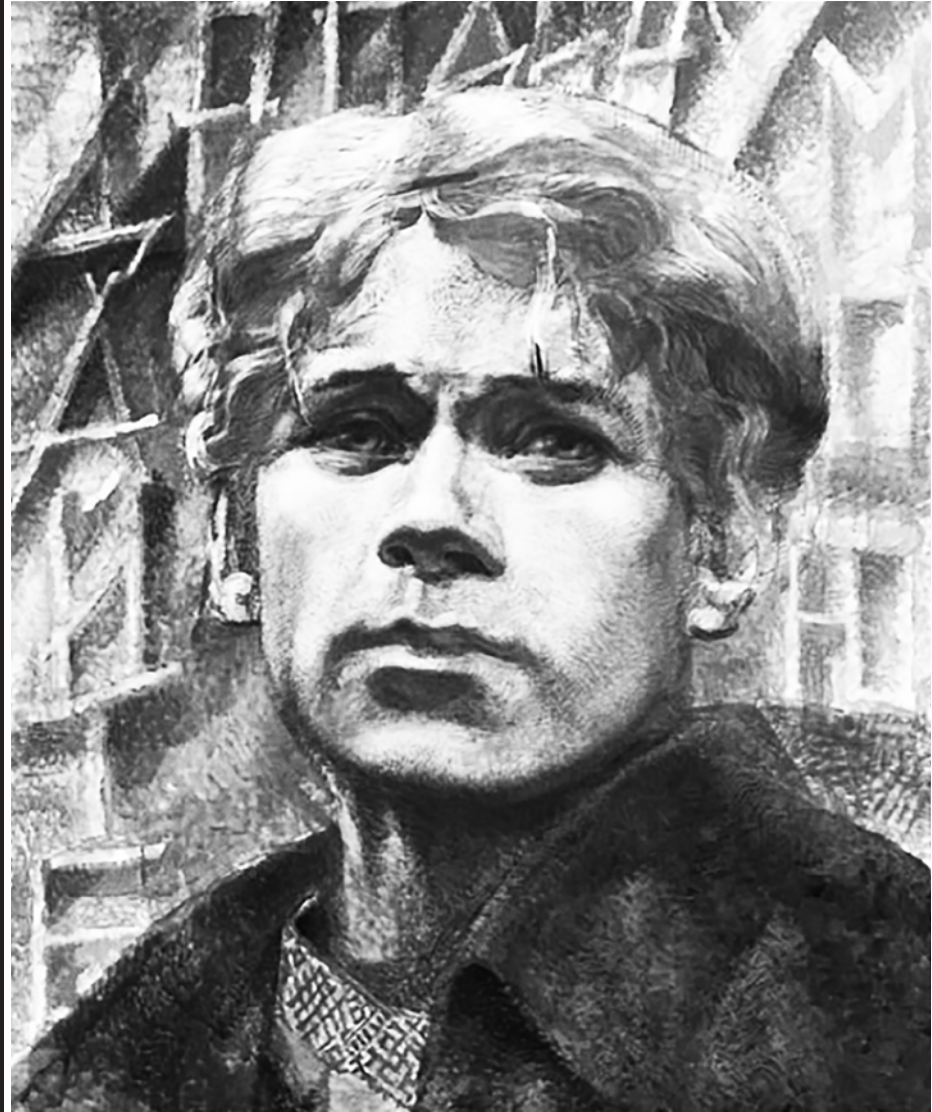
*Мечтает о мозгучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.
Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.
Но эти милые бабавы
Не затмили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трещишь ты гордой головой.
А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.
Но, обреченный на гоненье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

Сергей Александрович Есенин стоит на Тверском бульваре...

В этом драгоценном месте старой Москвы в 1995 году установлен памятник поэту работы замечательного советского российского скульптора Анатолия Бичукова.

НИНА ПРОТАСОВА

Иллюстрация: «Портрет С.А. Есенина». Художник Иван Теньков. 2025 г.

целый день трудившийся помощником корректора (подчитчиком) в типографии Сытина.

Есенин выбрал историко-философский цикл академического отделения. Учебным планом этого цикла для первокурсников были предусмотрены лекции по логике, общей теории права, политической экономии, статистике, истории Средних веков, истории Франции с XVIII века, русской истории XIX века, а также лекции по литературе, которые, по воспоминаниям современников, интересовали Есенина больше всего. Курс истории западной литературы эпохи Возрождения читал М.Н. Розанов, историю русской литературы середины XIX века преподавал П.Н. Сакулин. Помимо лекций в университете были организованы и практические занятия. Профессор А.Е. Грузинский вёл такие занятия по новой русской литературе, а профессор П.Н. Сакулин — семинар по русской литературе.

Поскольку университет предоставлял слушателям возможность самим выбирать те предметы, которые их интересуют, Есенин мог посещать курсы лекций "Русская литература во второй половине XIX века" Ю.И. Айхенвальда и "Русская литература XVIII века" А.Е. Грузинского, а также множество других лекций, читаемых в 1913—1914 учебном году.

Плата за слушание лекций на историко-философском отделении университета составляла 40 рублей в год, и это была немалая сумма. В сентябре 1913 года Есенин писал своему другу Грише Панфилову: "Дела мои не особенно веселят. По-

рий Пылаев. Генваря 11 дня 1914 г. 9 часов) в(вчера)". В отчётах филёров, следивших за Пылаевым 11 января 1914 года, зафиксировано, что Пылаев "пошёл в д. № 56, парадное № 22—26 по 3-й Тверской-Ямской улице, где пробыл 2 часа 10 минут, т. е. до 8 часов вечера, вышел и пошёл вторично в университет Шанявского, пробыл 25 (мин.), вышел, сел в трамвай и вернулся домой". Сопоставляя запись на фотографии и сведения из донесений, нетрудно установить, что надпись на фотографии была сделана в стенах университета Шанявского.

Наблюдения филёров и справки надзирателей полицейской части в разных районах Москвы позволяють установить, что Есенину приходилось часто переезжать с квартиры на квартиру. И не случайно в письме Марии Бальзамовой, отправленном в октябре 1914 года, он в качестве обратного адреса указывает: "Москва. Миусы. Университет Шанявского, студ(енту) 2 курса Есенин(у)". Очевидно, что адрес университета оказался для Есенина более надёжным, чем адреса его многочисленных временных пристанищ.

ВМЕСТЕ с друзьями по университету Есенин окупался в культурную жизнь Москвы. Студенты посещали Третьяковскую галерею, спектакли Художественного театра, читали стихи. Университетский товарищ Есенина Б.А. Сорокин позднее вспоминал об одном из таких дней:

"Мы говорим о своих впечатлениях от Третьяковской галереи, вспоминаем картины знаменитых русских

художников, и кажется, что немеркнущий свет искусства освещает нашу комнату..."

"Запомнилось, как в другой раз, сойдясь в университете, мы с Есениным пошли в буфетную комнату, где всегда было много народу. Здесь, в буфетной комнате, я читал Есенину свою поэму..."

"К этому времени Есенин знал, кажется, всех литераторов-шанявцев. То были люди разных возрастов, вкусов, взглядов. Самым авторитетным среди них считался автор социальных поэм Иван Филипченко, человек в пенсне, с тихим голосом и веским словом. Молодой брюнет с живыми улыбочными глазами на матовом тонком лице, Юрий Якубовский был художником и поэтом. Писали стихи: сибиряк Янчевский и приехавший из Баку Фёдор Николаев (Семёновский по неизвестным причинам даёт здесь этому человеку другую фамилию; на самом деле его звали Фёдор Овагемов), сын крестьянина с Урала Василий Наседкин и дитя богемы, голубоглазая, с жёлтыми локонами, падавшими из-под бархатного берета, Нелли Яхонтова.

Среди этой компании Есенин сразу получил признание. Даже строгий к поэтам непроблатерского направления Филипченко, пренебрежительно говоривший о них: "Мух ловят", — даже он, прочитав за столиком буфетной комнаты свежие и простые стихи Есенина, отнёсся к ним с заметным одобрением".

БЕЗ СОМНЕНИЯ, общение и дружба с молодыми поэтами были необходимы Есенину, но внимание к его творчеству, проявленное со стороны профессора

ВСКОРЕ Павел Никитич Сакулин откликнулся на выход первой книги Сергея Есенина "Радунница": в мае 1916 года в журнале "Вестник Европы" появилась статья Сакулина "Народный златоцвет".

В этой статье Сакулин вступает в полемику с теми литературоведами, которые говорят об упадке народной песни, о разложении народной поэзии как о бесспорных фактах, и утверждает, что "поэтическое творчество русского народа не замерло: оно лишь приняло новые формы". Сакулин отмечает, что, к сожалению, многие поэты из народа "совершенно утратили своё "народное" лицо, слились с общей массой литераторов. Таких, окуптуренных, писателей в современной печати действует очень много. Рядом с ними найдутся, однако, и такие, которые, свободно развернув свою поэтическую индивидуальность, не порвали с народной почвой, творя в народном стиле и часто для народа". Сакулин называет два имени — Николай Алексеевич Клюев и Сергей Александрович Есенин. "Оба они — кровные дети крестьянской России".

Сакулин с большой любовью пишет о Есенине, который с первых же минут жизни приобщился к народно-поэтическому миру, нежно любит свою родную сторону и находит для неё хорошие, ласковые слова. "А сколько поэзии в самом крестьянском труде!" — восклицает Сакулин. Причём у Есенина нет и не может быть той идеализации крестьянского труда, как, например, у Златовратского или даже у Кольцова, ведь "в Есенине говорит непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его язык дивными красками".

Для Есенина нет ничего дороже родины.

*Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".*

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»

ВОЙНА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ НЕМИНУЕМА?

СЛАДОСТИ, ВЕЙПЫ И АЛКОГОЛЬ — ПОД КОНТРОЛЬ

ОКНА ОВЕРТОНА ОТКРЫТЬ В ПРАВИЛЬНУЮ СТОРОНУ РАБОТАЕТ В ОБЕ СТОРОНЫ

НУЖНА НЕ ЗЛИТА, А ЗНАТЬ

ГЛОБАЛИСТЫ СОЗДАЮТ ИГИЛ* В ЕВРОПЕ

КАК «ОККУПИРОВАЛИ» АЗЕРБАЙДЖАН

ТРАМП И ЕВРОПА РАЗЫГРЫВАЮТ СПЕКТАКЛЬ?